Братья Гримм

Ловкий вор

Сидел раз старик со своей старухой у бедной избушки, и захотелось им немного отдохнуть от работы. Вдруг подъезжает пышная, запряженная четверкой вороных карета, и выходит из кареты богато одетый господин. Крестьянин поднялся, подошел к господину и спрашивает: что, мол, будет ему угодно и чем он мог бы ему услужить. Незнакомец подал старику руку и говорит:
— Хотелось бы мне только всего — отведать разок деревенской пищи. Наварите мне картошки, как вы ее обычно приготовляете, а я сяду с вами за стол и с удовольствием поем.
Улыбнулся крестьянин и говорит:
— Вы, пожалуй, граф или князь, или даже сам герцог. У знатных людей иной раз является такая охота; ваше желанье будет исполнено.
Хозяйка пошла на кухню, начала мыть и чистить картофель, собираясь приготовить клецки, какие обычно едят крестьяне. В то время когда она занималась на кухне хозяйством, крестьянин говорит незнакомцу:
— Пока что пойдемте ко мне в сад, мне надо там кой-какую работу закончить.
А были в саду накопаны ямы, и собирался старик сажать деревья.
— Что, разве у вас нет детей, — спросил незнакомец, — которые бы помогли в работе?
— Нету, — ответил крестьянин. — Был, правда, у меня сын, — добавил он, — но много лет тому назад как ушел он странствовать по свету. Парень он был разбитной, умный и расторопный, но учиться ничему не хотел и занимался всякими дурными делами; в конце концов он от меня убежал, и с той поры я о нем ничего не знаю.
Взял старик деревцо, посадил его в яму, а рядом вбил колышек; засыпал яму землей, утоптал ее, подвязал ствол деревца внизу, посередине и сверху соломенным жгутом к колышку.
— А скажите, пожалуйста, — спросил господин, — почему вы не подвязываете к колышку и кривого, суковатого дерева, что пригнулось почти до самой земли, чтоб выросло оно ровное?
Улыбнулся старик и говорит:
— Судя по вашему разговору, я вижу, ваша милость, что вы садоводством не занимались. Это ведь дерево старое, все покореженное — его никак уж не выпрямишь; деревья надо растить смолоду.
— Это как и с вашим сыном случилось, — учили бы его с малых лет, и не убежал бы он от вас; а теперь он уже огрубел; и тоже покорежился.
— Что правда то правда, — ответил старик. — Много лет прошло с той поры, как он ушел от меня: может, он и изменился.
— А вы бы узнали его, если б он к вам явился? — спросил незнакомец.
— В лицо трудно было б узнать, — ответил крестьянин, — но есть у него примета, родинка на плече, она похожа на боб.
Только он это сказал, как снял незнакомец камзол, открыл плечо и показал крестьянину родинку.
— Боже ты мой! — воскликнул старик. — Как же это так, что ты, мой сын, да таким знатным господином сделался и живешь в богатстве и роскоши? Каким путем ты этого добился?
— Эх, отец, — ответил сын, — молодое-то дерево к колышку не было привязано, и выросло оно кривое; теперь-то уж оно и вовсе состарилось, сейчас уж его не выпрямишь! Как я всего этого добился? Я сделался вором. Но вы не пугайтесь; я воровских дел мастер. Не существует для меня ни замков, ни запоров: что мне понравится, то и мое. Вы не думайте, что я — ворую как простой какой-нибудь вор; я беру только то, что у богачей лишнее. Бедных людей я не трогаю: я им даю, а у них ничего не забираю. Также я не беру и того, что мог бы взять без всякого труда, без хитрости и ловкости.
— Ох, сын мой, — сказал отец, — мне все-таки дело это не нравится: вор, как ни говори, вором и останется; скажу я тебе, это добром не кончится.

Повел он его к матери; и как услыхала она, что это ее сын родной, на радостях расплакалась, а как сказал он ей, что он воровских дел мастер, — потекли у нее слезы по лицу ручьями.
— Хотя он и вором сделался, а все ж таки мне он сын, и вот довелось мне увидеть его еще раз своими глазами.
Сели они за стол, и он отведал снова вместе со своими родными простой пищи. И сказал отец:
— Если наш граф, что в том замке живет, доведается, кто ты такой и чем занимаешься, он не станет тебя на руках носить и баюкать не будет, как было это, когда он держал тебя над купелью, а велит тебя повесить, чтоб качался ты на веревке.
— Вы, батюшка, об этом не беспокойтесь, он мне ничего не сделает, — я своему ремеслу хорошо обучен. Я вот сам к нему нынче наведаюсь.
Когда стало уже смеркаться, уселся воровских дел мастер в свою карету и поехал в замок. Граф, посчитав его за важного господина, принял его любезно. Но когда незнакомец признался, кто он такой, граф побледнел и некоторое время молчал. Затем он сказал:
— Ты мой крестник, а потому я считаю нужным оказать тебе милость и поступить с тобой снисходительно. А так как ты хвалишься, что ты воровских дел мастер, то мне хотелось бы твое мастерство испытать. Но если ты испытанья не выдержишь, тебе придется праздновать свадьбу с дочкой канатных дел мастера, и будет тебе музыкой карканье воронов.
— Господин граф, — ответил ловкий вор, — вы придумайте три самых трудных задачи, и если я их не выполню, поступайте со мной, как вам будет угодно.
Граф немного пораздумал, а потом говорит:
— Хорошо! Во-первых, ты должен украсть из конюшни моего любимого коня; во-вторых, ты должен, когда мы с женою уснем, вытащить из-под нас простыню, да так, чтоб мы этого не заметили, кроме того, снять у моей жены с пальца обручальное кольцо; и третье и последнее — ты должен похитить мне из церкви пастора и причетника. Запомни все это хорошенько, ведь дело твоей жизни касается.
Отправился воровских дел мастер в ближайший город, купил себе там у одной старухи-крестьянки платье и надел его на себя. Потом он выкрасил себе лицо в смуглый цвет и расписал на нем морщины так, что никто не мог бы его узнать. Наконец он налил небольшой бочонок старого венгерского вина и подсыпал в него сонного зелья. Положил он тот бочонок в корзину, взвалил ее на спину и направился степенным шагом, покачиваясь, к графскому замку.
Пока он дошел, стало уже совсем темно: он уселся во дворе на камень, начал покашливать, как больная грудью старуха, и потирать руки, будто ему холодно. А лежали у ворот конюшни, возле костра, солдаты; один из них заметил женщину и крикнул ей:
— Бабушка, подходи-ка поближе да погрейся возле нас. Ведь ночевать-то тебе здесь негде; ты знаешь, куда попала?
Заковыляла старуха, подошла к ним, попросила снять у нее со спины корзину и подсела возле солдат у костра.
— Что это у тебя в бочонке, старая ты развалина? — спросил один из них.
— Глоток доброго вина, — ответила старуха, — я живу тем, что торгую, а за деньги да ласковое слово налью вам охотно стаканчик.
— Ну-ка давай, — сказал солдат и, отведав вина, заметил: — Что ж, вино хорошее, я охотно выпью еще стакан, — и он велел нацедить себе еще, остальные тоже последовали его примеру.
— Эй, друзья! — крикнул один из них, обращаясь к тем, кто сидел в конюшне. — Тут вот пришла старушка, есть у нее вино, оно такое же старое, как и она сама. Хлебните и вы маленько, оно согреет вам желудок куда получше, чем наш костер.
Внесла старуха свой бочонок в конюшню. В это время один из конюхов сидел на оседланном

любимом графском коне, другой держал в руках уздечку, а третий ухватился за хвост. Старуха нацеживала им вина, сколько требовали, пока весь запас не вышел. И вот выпала вскоре у одного из рук уздечка, он опустился на землю и начал храпеть; другой выпустил из рук конский хвост, уселся на земле и захрапел еще погромче. А тот, кто сидел в седле, хоть и остался на нем, но свесил голову на шею лошади, уснул и дышал ртом, словно кузнечный мех. Солдаты во дворе давно уже уснули, они лежали на земле вповалку, недвижно, будто каменные. Как увидел ловкий вор, что ему все удалось, сунул в руки одному вместо уздечки веревку, а тому, кто держал хвост, — соломенную метелку; но что было делать с тем, кто сидел на спине у коня? Сбрасывать его вниз ему не хотелось, — он мог бы проснуться и поднять крик. Но он знал, что придумать, расстегнул подпругу, подвязал покрепче к седлу две веревки, что висели на стенных кольцах, и поднял спящего всадника вместе с седлом вверх, затем обкрутил веревки вокруг столбов и крепко-накрепко их завязал. Потом он отвязал коня с цепи; но если бы он поскакал по вымощенному камнем двору, то в замке услыхали бы шум. Поэтому он сначала обернул копыта старым тряпьем, затем осторожно вывел коня и ускакал.

Когда уже рассвело, воровских дел мастер мчался во весь опор к замку. Граф только что поднялся с постели и выглянул в окно.

— Доброе утро, господин граф! — крикнул он ему. — Вот и конь, которого мне удалось удачно вывести из конюшни. Вы поглядите, как преспокойно ваши солдаты лежат и спят, а если вам будет угодно зайти на конюшню, вы увидите, как удобно расположились ваши сторожа.

Графу ничего не оставалось больше, как рассмеяться, и он сказал:

— Один раз тебе удалось, но в другой раз так удачно тебе не сойдет. Я тебя предупреждаю, что если ты мне попадешься, я поступлю с тобой, как с вором.

Вечером, когда графиня отправилась спать, она крепко зажала руку с обручальным кольцом, и граф сказал:

— Все двери заперты и закрыты на засов, я буду подстерегать вора, а если станет он лезть в окно, я его пристрелю.

Но ловкий вор направился в сумерках на поле, к виселице, срезал там бедного грешника с веревки, на которой тот висел и потащил его на спине в замок. Потом он подставил лестницу к спальне, взвалил его себе на плечи и начал взбираться наверх. Когда он поднялся настолько высоко, что в окне показалась голова мертвеца, граф, лежавший в постели и не спавший, выхватил пистолет и нацелился в него, но ловкий вор сбросил тотчас бедного грешника на пол, а сам быстро спрыгнул с лестницы на землю и спрятался за углом. Ночь была такая лунная, что ловкий вор мог ясно разглядеть, как граф вылез из окна на лестницу, спустился вниз и отнес мертвеца в сад. Он начал там копать яму, чтобы положить в нее мертвеца. «Теперь, — подумал вор, — настал самый удобный момент», — он быстро выбрался из закоулка и взобрался по лестнице наверх, прямо в спальню графини.

— Дорогая жена, — начал он, подражая голосу графа, — вор уже мертв, но все же он мне доводится крестником; он был скорее плутом, чем злодеем; мне не хотелось бы его выставлять на всеобщий позор, да и жалко мне бедных родителей. Я сам похороню его в саду, пока не начнет светать, чтоб не стало обо всем известно людям. Дай мне простыню, я заверну в нее труп и зарою его, как собаку.

Графиня подала ему простыню.

— Знаешь что, — продолжал вор, — мне хочется проявить великодушие: дай мне и кольцо, ведь несчастный жизнью своей рисковал, уж пусть он возьмет его с собой в могилу.

Не хотелось ей графу перечить, и хотя неохотно, но она сняла все же с пальца кольцо и подала ему. Вор быстро выбрался с этими двумя вещами и счастливо вернулся домой, прежде чем граф в саду

покончил со своей работой могильщика.
Каково же было изумление графа, когда на другое утро явился воровских дел мастер и принес ему простыню и кольцо.
— Да неужто ты колдовать умеешь? — сказал он ему. — Кто это тебя вытащил из могилы, куда я тебя сам положил, и кто тебя воскресил?
— Да вы меня вовсе и не хоронили, — сказал вор. — Вы закопали несчастного грешника с виселицы. — И он рассказал подробно, как все это случилось. И должен был граф признать, что вор он ловкий и хитрый.
— Но это еще не всё, — добавил граф. — Тебе предстоит выполнить и третью задачу, если ты с нею не справишься, то все это тебе мало поможет.
Усмехнулся мастер, ничего не ответил.
Вот наступила ночь, подошел он к деревенской церкви, с длинным мешком за спиной, с узелком под мышкой и фонарем в руке. Были у него в мешке раки, а в узелке небольшие восковые свечи. Он уселся на кладбище, достал из мешка рака и прилепил у него на спине восковую свечечку; потом он зажег ее, выпустил рака на землю, чтобы тот полз. Достал он из мешка второго рака, сделал то же самое, и так продолжал, пока не вынул из мешка и последнего рака.
Потом надел он на себя черную одежду, похожую на монашескую сутану, и приклеил себе к подбородку седую бороду. Когда его теперь никак нельзя было бы узнать, он взял пустой мешок, направился в церковь и взошел на кафедру. Часы на колокольне в это время пробили как раз полночь; когда отзвучал последний удар, вор громким голосом возвестил:
— Слушайте, грешные люди, настал конец света, близится день Страшного суда. Слушайте и внимайте. Кто хочет вместе со мной попасть на небо, пусть тот залезет в этот мешок. Я — Петр, стоящий на страже у небесных врат. Глядите, вон там на кладбище бродят покойники и собирают свои кости. Подходите сюда, подходите, забирайтесь в мешок, близится конец света!
Этот возглас разнесся по всей деревне. Пастор и причетник, которые жили неподалеку от церкви, первые его услыхали, а увидев свечи, блуждающие по кладбищу, решили, что случилось нечто необычайное, и зашли в церковь. Они послушали немного проповедь, потом причетник толкнул пастора и говорит:
— Было б неплохо воспользоваться случаем и попасть нам вместе до наступления Страшного суда столь легко на небо.
— И правда, — ответил пастор, — это и я тоже подумал; если угодно, давайте вместе отправимся в путь-дорогу.
— Да, — ответил причетник, — но вам-то, господин пастор, первому надлежит входить, а я уж следом за вами.
Вот двинулся поп вперед и взошел на кафедру, где воровских дел мастер раскрыл свой мешок. Забрался пастор первым, а следом за ним — причетник. Завязал тут вмиг ловкий вор крепко-накрепко свой мешок, схватил его за конец и потащил вниз по лесенке с церковной кафедры; и когда головы двух дураков бились о ступеньки, он провозгласил: «Сейчас мы уже переходим через горы». Потом потащил он их таким же образом по деревне, и когда им приходилось волочиться по лужам, он говорил: «А теперь мы проходим сквозь сырые облака», а когда втаскивал он их по замковой лестнице, он приговаривал: «А сейчас подымаемся мы по небесной лестнице и скоро будем в преддверии рая».
Наконец взобрались они наверх; засунул вор мешок на голубятню, а когда голуби замахали крыльями, он сказал: «Слышите, как радуются ангелы и крыльями машут?» Потом он задвинул засов и ушел.
На другое утро он направился к графу и сказал ему, что выполнил и третью задачу, утащил из

церкви пастора и причетника.
— Куда же ты их бросил? — спросил граф.
— Они лежат завязанные в мешке на самом верху голубятни и воображают, что попали на небо.
Поднялся граф сам наверх и убедился, что тот сказал правду. Освободил он пастора и причетника из их темницы и говорит:
— Ты из воров вор и дело свое выиграл. На этот раз ты можешь уходить подобру-поздорову, но из моих владений убирайся, а если опять появишься тут, то получишь свое повышенье на виселице.
Попрощался ловкий вор со своим отцом-матерью и ушел снова бродить по свету. С той поры никто о нем больше и не слышал.